

ЗДРАВСТВУЙ, ЛАГЕРЬ!

Здравствуй, лето!
Здравствуй, лето!
Здравствуй, край тепла и света!
Небо сине-голубое, радуга над головою.
На рассвете все деревья
Шепчут ласково, сердечно:
«Собирайтесь поскорее —
Ждёт вас поле, ждёт вас речка».
И тропинки-невидимки
Плчутся в траве медвяной,
И в лесной зелёной дымке
Земляничные поляны...
А вода в реке лучами
Золотистыми согрета.
Кринешь — это отвечает:
«Лето! Лето! Здравствуй, лето!»
Городок весёлый где-то,
Зауки горна, песни, флаги.
Здравствуй, лето! Здравствуй, лето!
Здравствуй, пионерский лагерь!

...И снова по дорогам Подмосквы в сопровождении милицейских машин движутся самые весёлые автобусы: пионеры едут в лагерь! 420 юных москвичей будут отдыхать в пионерском лагере «Истра». Пока они знакомятся, Дружба — вперёд!

Фото нашего специального корреспондента В. ГУСЕВА.

ПРОЛЕТАРИИ
ВСЕХ СТРАН,
СОЕДИНЯЙТЕСЬ!
К БОРЬБЕ ЗА ДЕЛО
КОМУНИСТИЧЕСКОЙ
ПАРТИИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА
БУДЬТЕ ГОТОВЫ!

Пионерская ПРАВДА

ОРГАН ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВКВСМ
И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

Год издания 50-й | Вторник, 4 июня 1974 г. | Цена 1 коп.
№ 44 [5935]

ТОВАРИЩ «МУРЗИЛКА»

Ты помнишь, как это было: приходит мама, в руках почта, топочи что вынуты из ящика, и говорит: «Смотри-ка, «Мурзилка» пришёл!» И даёт яркую, красивый журнал. Он рассказывает о героях Родины, о том, какие чудеса происходят в жизни, о том, как путешествуют на лыжне полярники, как живут дети в Узбекистане, какие корабли плавают в Балтийском море. И что случилось с оловянками из 2-го «Б»? Ты хочешь прочитать новые стихи? Пожалуйся, для тебя напишет Барто и Михалков. А замечательные писатели Носов и Сотник расскажут тебе весёлые истории. Лучшие художники подарят свои рисунки.

50 лет приходит к ребятам добрый, весёлый товарищ — «Мурзилка». Нанце у него юбилей. И все читательницы рады, что «Мурзилка» получила высокую награду: орден «Знак Почёта». Поздравляем тебя, дорогой «Мурзилка»!

5 июня — ВСЕМИРНЫЙ ДЕНЬ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Чтобы не превратилась наша планета в пустыню, человек должен беречь землю-кормилицу от оскудения, воздух и воды от загрязнения, охранять растительность и животных.

Эмблемой I Международного конгресса по экологическим вопросам, который открылся шестого июня в Москве, не случайно стала голова сайгак. Не так давно сайгак и некоторые другие звери оказались на грани истребления. Мир забил тревогу. Были приняты меры по восстановлению численности редких зверей. Проблемы охраны животных, их поведения и управления этим поведением, их одомашнивания и многие другие обсужда на конгрессе учёные из разных стран.

Сегодня на второй странице читайте о том, как дикий лось стал домашним животным.

Не потерял, а нашёл

Как-то вышел я с завода вместе с одним своим приятелем.

— Может, зайдёшь ко мне? — вдруг предложил он.

— В другой раз, — ответил я. — Сегодня меня ребята ждёт.

— Удивительно, — пожал он плечами. — Неужели тебе не жаль своего свободного времени? На заводе у тебя столько комсомольских дел, а ты ещё и в школу бегаешь. Зачем тебе это?

Я ответил, что мол, интересно мне с ребятами... Но поздно вечером, возвращаясь домой, задумался над его вопросом.

А что же такое «свободное время» и от чего оно «свободно»?

Помню, когда я учился в школе, был в нашем классе один мальчишка по прозвищу Философ — начитанный, очень был, но ни с кем не дружил и даже сидел один. Пришёл в класс новенький. Он пошёл окли, поэтому учительница решила посадить его впереди. Кто-то из ребят должен был пересечь к Философу. И тут вышло так:

все готовы, были уступить своё место новенькому, но сидеть с Философом никто не хотел.

— Почему? — удивилась учительница.

Ребята молчали. В двух словах было трудно это объяснить. Никому не сделал плохого Философ, но он был всем чужой. Ему было всё равно, почему Елена пришла в школу с зареванными глазами, почему у Марата не ладится с русским, почему носоросилась два друга — Колька и Сёвка... Он не хотел тратить своё время, свой ум, душевные силы на ребят, на их переживания. Через год Философ уехал из нашего города, и никто о нём не вспоминал.

Как знать, может, он будет даже учёным. Но я думаю так: и мудрецу грош цена, если нет у него главного — человечности. Радость любого научного открытия потому и радость, что это открытие не для себя, а для людей.

Уже несколько лет я дружу с ребятами 40-й школы. Особенно уважало любознательных мальчишек и дево-

нок. И, отправляясь с ними в походы, я никогда не думал о том, что терню зря своё свободное время.

Паоборю, я сам очень много получил от ребят. Дружба, уважение, их доверие — разве этого мало? ...Я шёл домой и думал: как бы мне всё это объяснить приятелю?

Наш завод шефствует над Спирским детдомом. Как-то в воскресенье мы поехали к ним помочь в ремонте. Поехали в село и мои ребята из 40-й школы.

Хорошо поработали, ещё и концерт дали. Тут мой приятель сам увидел, как радовались ребята детского дома, как приглашали нас приехать ещё...

В автобусе он долго молча сидел у окна, а потом вдруг зашел вместе со всеми.

Кажется, нашёл ответ на свой вопрос.

В. КАЛАШНИКОВ,
старший машинист
азотной-испарительного цеха
Чимкентского фосфорного
завода, секретарь
комсомольской организации
цеха, делегат XVII съезда
ВЛКСМ.

МЫ — ИЗ «ЛАДОГИ»

Нас двадцать. Шесть девочек, остальные мальчишки из 5, 6, 7-х классов. Трудовой отряд «Ладога» живёт второй год. Прошлым летом вместе с отрядами старшеклассников помогали расти и убирать урожай овощей под Дугавишлом в Латвии. Теперь поедем в Белоруссию. На этот раз столько добровольцев из пионерских классов, что там, в совхозе, будет уже два лагеря — наш и старшеклассников.

Сейчас все готовится к этой поездке. Почти каждый день собираются отряды. Надо подготовить снаряжение, решить, какая будет форма, эмблема. Старшие уже ходили в когитольный поход. Теперь наша очередь. Поход

как проверка: кто что умеет делать, могут ли ребята вместе распределить обязанности, выполнить срочное поручение совета командиров. Так что все немного волнующе. Опыта у нас, конечно, больше, чем у новичков, но есть и свои слабости. Как вместе соберёмся, так поочерёдно часа болтаем и смеёмся, а по вечерам говорим о деле. Но мы уже решили, что постараемся сделать более собранными. Скоро в путь.

С. ТАТЬЯНИН,
Т. НИКОЛАЕВА,
Володя МАЛЫШЕВ из отряда «Ладога».

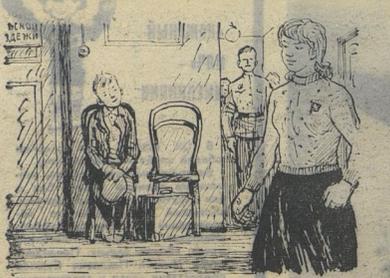
Ленинград,
школа № 308.

Сергей КРАПИВИН,
Владислав КРАПИВИН.

Канкулы Вершинина - младшего

Повесть

Девушка нагнулась и крепко поцеловала его в губы. А пока он обдавало вытирали, величественно удалялись по коридору.

Вскоре вышел Митя с ним невысокий, прихрамывающий парень с густой копной чёрных волос.

— Приезжай, Вершинин, в район, не тини! — сказал он Дмитрию.

— Скажи, сестрище, пусть готовят блины. Вот только братика причучь к местной кухне и приеду. Знакомся с ним, кстати.

Черноволосый рассеянно сунул Лёшке жесткую лапоть и захромал к лестничной площадке.

— Ты чего за губы дергаешь? — спросил Дмитрий брата, когда они сели в буфете за столы.

— Да... меня тут какая-то сумасшедшая тётка облучила...

Выступав Лёшкин рассказ, он схватился от смеха за живот. Потом хитро подмигнул брату.

— Не будь салоннейшим и не слишком прикрой это на свой счёт. Боюсь, что ты выступишь в роли променютной инстанции. А вообще-то девушку зовут Соня Курцевич. Отличнейший человек и превосходный инструктор отдела школы, а в недалёком прошлом — уникальнейший партизанский подпольник. Говорит, таскала на плечах по полцентнера взрывчатки.

— А сейчас она что делает?

— Э, братик, есть что делать! Это только кажется — отделе, а сколько некой босяцкой публики ещё предстоит устроить в школы! Вот тем и занимается бывшая лыжная партизанка. Софья — инструктор по детскому.

Лёшка самым невинным тоном спросил: — А ты — по колхозам? Или на завод?

Старший брат поперхнулся рисовой кашей и угрожающе положил вилку. Лёшка тоже перестал есть, ожидая заслуженной нахлыбучки за дерзость.

Значит, подслушивал? — свирено спросил Дмитрий.

— Не подслушивал. Вы там басыли на весь коридор.

— Ешь компот и запомнишь, что я тебе скажу. Откровенно моей персоны ты, разумеется, мыслишь, феерически толпы народа ликуешь при виде твоего прославленного в боях брата. В этом роде мерещилась миражи!

Лёшка сердито промолчал. Он с полёнок помнил яркое уделение брата вступить в самые сокровенные мысли и высказать их. Правда, делалось это обычно один на один и потому было не очень обидно. Они быстро помирились и на этот раз.

— Митя, а почему называется отдел крестьянской молодёжи? — спросил Лёшка.

— А какой надо? — ответил Дмитрий.

— Почему не колхозной? — спросил Лёшка.

— Нда, пареня ты наблюдательный. Дело в том, что колхозов у нас в области ещё нет. Почти. Только начинаем создавать. Тут же Советская власть меньше двух лет была, а тридцать девятого до начала войны, а потом — немцы три года. Фашисты здесь нагнали за оккупацию ещё хуже, чем белополки за двадцатидать лет. Вроде бы, для полнотрамоты у нас с тобой время ещё будет. Рассказывать о доме.

Вторую неделю Алексей Вершинин живёт в гостях у Дмитрия Вершинина. А если точнее, то живёт сам по себе. Потому что Дмитрий как увидит в утра в обложку, так и пропадает там до девяти вечера. Правда, в последние дни, как в двадцать девять, всегда обедают в обкомовской столовой.

А ужинают дома. Из яничного порохика, стужёнки и консервированных заморских ариноксов, которые Митя получает по своим карточкам «ответственного работника», квартиру хозяйка Фелиция Францевна наготовит разные блюда. За это ей Дмитрий приплачивает какую-то сумму.

Их домик стоит на тихой прибрежной улице с красным названием Подольная. От дома до песчаного берега Немца шагов триста. Никакая это не огромная река, как сначала думал Лёшка. За ней тоже город, там заводы и фабрики. А граница от города самое близкое километров за восемь. Но всё равно это очень интересная река. Она широкая, быстрая, посредине мелкая, а у берегов глубина. Дольше всего до середины, а уж тут можно спокойно ходить по шиколотку в тёмной воде. Дальше спуск глубокий, но после отдыха на отмели совсем нетрудно добраться до другого берега.

Сегодня Лёшка махнул на другой берег, ввиду необходимости. Ещё вчера трое мальчишек с той

стороны обидно захохотали, когда он доплыл до отмели, переодолел и тут же повернул обратно. Один из них отчётливо прокричал что то насчёт голыцины кинок и заждавшейся мамочки. Ночью Лёшка спал плохо.

И вот сейчас он подходил чётким кролем к бревенчатому плоту, на котором сидели мальчишки. Подплыл, подтянулся на руках и выметнулся на плот.

— А ничего шлёбает! — одобрил один из трёх, обратился не то к Лёшке, не то к приятелям.

Он подождал на сплавных брёвках, худой и чёрный от загара. Лобастая голова коротко острижена. Глаза круглые, глядят в упор.

Лёшка открыл рот, чтобы сказать парням деловое «здравствуйте», но язык сам собой пролиезе более подходящее к обстановке:

— О! Восточник! — захохотал вдруг плотный белокуры мальчишка и дурашливо задрал ноги. — Ещё один на нашу голову. Ты из какого колхоза, ланиток?

Смысла вопроса Лёшка не совсем уловил, но его интонация сомнения не оставляла. Она была открыто издевательской.

Лёшка угрожающе протянул руку по направлению к белокуры кудрявый неведомо. Но догнать себя не успел, потому что блондинчик вдруг заскользил по мокрым брёвкам в сторону, получив основательный пинок в зад. Это устоял его широколобий.

Парень коротко улыбнулся Лёшке. Вверху у него не оказалось двух зубов.

— Ну вот, Садись. Меня зовут Михас. Тот, что под хвост получил, Ваизк. А это Стас.

Тут Лёшка разглядел и третьего мальчишку, который сидел в стороне. Как и все, он был в одних трусах и такой же загорелый. Но и не такой, как все. У парнишки исперлавро дёргалась голова, худому ходили сложенные на коленях руки.

И ещё были у него карие мохнатые глаза. Получалось как-то так, что глаза не дёргались вместе с головой, а всё время прямо и будто укоризненно смотрели на Лёшку.

— Чего он так? — шёпотом спросил Лёшка.

— Контуженный, — коротко объяснил Михас. — Немец в погреб гранату кинул, а Стасья её обратно. Близко разорвалась.

— Он хоть разговаривает?

— Занкисет здорово. Стенкисет. Но слышит всё. Ты с ним говори. Стасья! Он с тобой познакомиться хочет.

И Михас прыгнул в воду, а Лёшка остался на плоту с контуженным Стасем. Но из головы у него словно ветром выдуло все подходящие слова.

Выручил сам Стас.

— От... от... от... — мучительными толчками вырвался из его горла.

Лёшка испуганно и вместе с тем облегчённо замахал на него руками.

— Да да ладно, ладно, я понял. Откуда ирехал?

Парнишка утвердительно опустил ресницы.

— Западная Сибирь. Самая оушка тайга. Знаешь ты, что такое тайга? Про это Лёшка может рассказывать долго. Хана — как океан. Город будто на берегу. Тонна — город. В войну там дела для фронта мины, снаряды, автома-

ты. Лёшкин класс ходил на воскресники нагружать багги. Встанут деловой и передают из рук в руки чурбакки ливневничные. Уж них приклады тошни на складах. А ещё ребята тёплые вещи собирали фронтникам. Валенки, шапки, рукавицы. Берховский Главокомный душник прислал благодарность школе. Не одной, конечно, Лёшкиной, но и ей тоже...

Лёшка говорил, говорил, говорил. Чтобы только слова не наступили молчание, чтобы ещё раз не услышать жуткого натужного замканки. Он рассказывал, как его отряд собрал железного лома на целый танк, как мальчишки сделали в кабинете географии огромную карту фронта и отмечали флажками освобождённые города.

— Здорово ты брешьте, — услышал вдруг за спиной Лёшка. — Послушать, так у вас в России тонь-в-тонь как в кеендсовом райо. А чего же вы тогда к нам сюда на запад прётёте? Небось сытые тут, пока не успели колхозам надоесть. А если вы такие небожидные, то зачем немца пустили до самой Москвы?

Лёшка так был ошошен нелепыми вопросами, что поспотел на розовощёкой Казика даже с интересом. Как смотрит обычно на полуножники. Потом молча покачал головой.

— Что, засло говорилку? — не унимался кудрявый блондинчик. Его круглый подбородок с бороздой посредине затрещал в недоброе смехе.

Отвечал Михас, коротко и испугливо.

— Стини, ланиток! Человок от души разговаривает, а ты в свару лезешь. Не нрависет, дуй отсюда. Верно, Стас?

Карие глаза солгано моргнули...

На следующий день они снова встретились. Утром Лёшка сказал брату, что обещать к нему сегодня не придёт, потому что дела. А возьмёт что-нибудь покевать с собой на берег. Дмитрий кхмыкнул.

— Привыкаешь? Ну, ладно.

Что им говорить, а такой брат заслуживал всяческого почтения.

Призвал на голову завернутые в майку бутерброды с неизменной тушёной, Лёшка перешёл реку и вскарабкался на плот. Михас и Стаски сидели на прежнем месте, а Казика не было.

— Наверное, ждёт, пока баты доучится по надобности, — улыбнулся шербатый том Михас. И тут же объяснил: — Обещал добыть чамы. У Камзира баты — часовой мастер, и всяких ходиков в хате до черта.

Часы им сегодня действительно были необходимы. Они затеяли контрольный заплыв на двести шагов, и мазев был хронометр. Вчера Михас смотрел-смотрел на Лёшкин кроль и вдруг объявил, что пересогит его без всякого стили. Казик сказал, что за ночь выучил по книжке какой-то особый стиль и тоже утёрт нос «восточнику». Стасья участия в споре не принимал.

А сейчас мальчишки сидели на тёплых, нахнувших сполой брёвках и в ожидании «хронометра» болтали.

Ласково шлёпала о плот маленькая волна. Падал в воду дух тонолей. Начиналось первое мирное лето.

Но война всё ещё была главным в мыслях и разговорах людей. И больших, и маленьких. Две голубые стрелки, сцепившись крыльями, сели на колоно Михаса. Он осторожно взял хрупких насекомых в ладони.

— «Рама», — сказал он.

— Точно, — подтвердил Лёшка. — «Фокке-вульф-100», двухфюзеляжный разведчик среднего радиуса.

— Чего-о? — недоверчиво уставился на него Михас своими круглыми глазами. — Откуда ты знаешь? Ты же их в своей Сибири не видел.

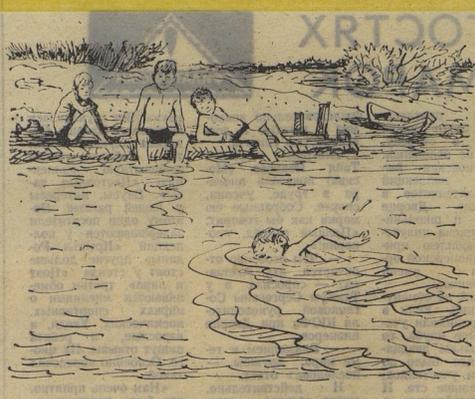
— Знаю. В кино видел. В журналах. Военрук в школе рассказывал.

Михас пренебрежительно шлюнул в воду.

— А меня сама война учила. И не журналы читать, а вему... чтобы не подохнуть. Это тебе не кино... И не школа. Я в школу три года не ходил.

А сейчас и идти будет стыдно. Увы, вой расту, а мне в иятий класс. Да ладно, я соли не распускаю. Зато кое-чему научился за войну. Например, фрицам карманы цупать... Так что нури шибко не задирай. Луизи рассказки, как это ты плаваешь, что руки поперек ходят, а ноги в воде вытют? Хоть и обставлю я тебя, а всё-таки интересно.

Продолжение следует.

Рисунки народного художника РСФСР И. СЕМЕНОВА.